УПЫРЬ.

Украинское преданіе.

Отецъ Маруси былъ казакъ зажиточный, а мать ея добрая хозяйка, такъ они и жили хорошо; а какъ дочь была у нихъ однимъ одна, то они въ ней души не слышали, баловали ее и одѣвали краше всѣхъ дѣвокъ на селѣ. Марусѣ и всего–то былъ тринадцатый годъ; но когда она, бывало, въ воскресенье выйдетъ погулять, разодѣтая какъ невѣста, то ужъ къ дѣвчонкамъ не пристаетъ, а все къ большимъ дѣвушкамъ, чтобъ съ ними скорѣе поровняться. И правду сказать, что скоро стали на нее всѣ паробки заглядываться; а когда она еще немного подросла и сложилась, то всѣ знали, что не только на селѣ, но и во всемъ повѣтѣ не было красавицы противъ Маруси. Марусенька, рослая и статная, была и

покруглѣе другихъ, и потоньше ихъ; она и не глядѣла простой мужичкой, и немного было такихъ пышныхъ дѣвушекъ даже между богатыми хуторянками.

И видно Маруся сама знала, какъ она была хороша, потому что, гуляя съ подругами, не давала однакоже никому изъ паробковъ къ себѣ приступиться, а, влюбивъ ихъ въ себя, тѣшилась надъ ними, забавлялась и только дурачила. Отъ этого и прозвали ее *гордой* Марусей и говорили, что она не пойдетъ за простаго, хорошаго человѣка, а развѣ только за паныча, въ тонкой сукманкѣ. Маруся отшучивалась, а все держалась противъ парней строго; но подругъ своихъ, дѣвокъ, не чуждалась и часто ихъ обдаривала и наряжала; а ужъ убрать голову, заплести и положить вокругъ косы, ленты, заткнуть къ вискамъ пучечки цвѣтовъ — этого никто не умѣлъ сдѣлать противъ Маруси, хоть она и не училась этому нигдѣ, а такъ сама знала. Бывало, когда время такое, что никакихъ цвѣтковъ нѣтъ, то достанетъ пучокъ старыхъ, сухихъ, что и смотрѣть не на что, либо

желтенькихъ да лиловыхъ неувядалокъ, или хоть просто пучечекъ алой калины, да какъ только уберетъ этимъ голову свою, то ровно на ней все расцвѣтетъ и заиграетъ, и такъ она хороша, что ни одна дѣвка не пріукрасится противъ нея и самыми лучшими цвѣточками.

Пришла осень, и по обычаю, отъ праздника Андрея Первозваннаго, начались дѣвичьи вечерницы; всѣ собираются въ одну избу, каждая приноситъ съ собою что есть, пекутъ пампушки, вареники, пьютъ и ѣдятъ и веселятся. Собрались онѣ, и Маруся съ ними, напекли и наварили всего. Вечеромъ пришли и парни, одинъ со скрипицей, другой съ сопѣлкой, и началась пляска и такая гульба, что дымъ коромысломъ. А Маруся все больше особнячкомъ себѣ, какъ ломливая гостья; смотритъ она и шутитъ, мотается туда и сюда, а до нея не дотыкайся никто. Наконецъ, упросили ее, что пошла плясать, да и то съ тѣмъ уговоромъ, чтобы парень не трогалъ ее, а плясалъ бы самъ по себѣ, а

она сама по себѣ; какъ пошла — то всѣ заглядѣлись на нее, не могли налюбоваться.

Вдругъ входитъ въ избу молодецъ, котораго никто прежде тутъ не видалъ: и собой пригожъ, и одѣтъ такъ чисто и хорошо, какъ и у самыхъ богатыхъ казаковъ рѣдко дѣти одѣваются: одна шапка смущатая чего стоитъ; поясъ, чоботы, а платокъ шелковый, персидскій. Поздоровался онъ со всѣми, дѣвушки сказали «милости просимъ», онъ тотчасъ и досталъ кошелекъ съ деньгами и посылаетъ парней за медомъ, пивомъ, наливками, пряниками и орѣхами. Вотъ одна изъ дѣвокъ вызвала брата своего, чтобы шелъ скорѣе за лакомствами, а тотъ, взявъ деньги отъ чужаго молодца, стоитъ, да и вертитъ ихъ промежъ пальцевъ. Что жъ ты? — а онъ и показываетъ, что, вмѣсто четвертачка, чуженинъ далъ таки настоящій золотой червонецъ! Тотъ глянулъ — все одно, говоритъ, ничего, ступай, тамъ сдадутъ: а не то хоть на всѣ возьми, коли съѣдятъ, на здоровье!.... Люди поглядѣли на него, переглянулись, да и притихли;

такихъ–де богачей въ нашемъ околоткѣ не водилось!....

Пошло гулянье, пляска, и Маруся не отказывалась плясать съ чужениномъ, а онъ всѣхъ угощаетъ и потчуетъ, а самъ съ нею съ одною только и водится. Такъ онъ, видно сразу полюбилъ Марусю, да и она на него ласковѣе смотрѣла, чѣмъ на Михалка и на другихъ; а плясалъ онъ такъ, что всѣ на него заглядѣлись, и рѣшили, что одинъ онъ только въ ровни Маруси и годится. Пришла полночь, и гость говоритъ, что пора ему домой; взялъ онъ шапку, утеръ лицо шелковымъ платкомъ и проситъ Марусю, чтобъ она его проводила хоть до воротъ. Она было призадумалась, да дѣвки спровадили ее: иди, говорятъ, отчего тебѣ такого хорошаго человѣка не проводить? — Какъ только они вдвоемъ вышли, то онъ поцѣловалъ Марусю и спросилъ ее: а пойдешь ли ты за меня? — Что жъ! отвѣчала она: — вы, кажется, хорошій человѣкъ, возьмете, такъ отчего не пойдти? Онъ поцѣловалъ ее и ушелъ.

Воротившись, Маруся не долго посидѣла на вечерницѣ, грустная, задумчивая, и никто не могъ ее развеселить. Правда, что она не рѣзва была и въ прежнее время, а всегда держалась и пышно и гордо, но все таки она была теперь не та, что прежде; это замѣтили всѣ, и потому, посмѣявшись, въ голосъ рѣшили, что Маруся полюбила чуженина и теперь ужъ подавно никого не захочетъ знать изъ ровней своихъ; а гость этотъ долженъ быть богатый хуторянинъ, коли не самъ дворянинъ, но никто не зналъ, откуда онъ взялся.

Михалка, о которомъ мы упомянули, слушалъ также все это молча, подгорюнившись еще больше, чѣмъ Маруся, и скоро ушелъ. Это былъ добрый и предобрый дѣтина, но не такъ богатый, а простой и работящій, который давно уже любилъ гордую Марусю, не смѣя ей сказать этого и не надѣялся увидать своего счастія, потому что она не глядѣла на него, и онъ видѣлъ, что услуги его ей докучаютъ. Онъ, горько вздохнувъ, побрелъ домой, посидѣлъ еще съ часокъ на заваленкѣ,

прислушиваясь издали, какъ на вечерницѣ гуляютъ, да раздумывая о горѣ своемъ, а потомъ вошелъ въ избу, гдѣ отецъ и мать его давно спали, и также завалился, горемычный, на свое мѣсто. Не видать мнѣ счастья своего, подумалъ онъ: — а другой не возьму, сердце не примаетъ; такъ и буду колотиться, лишь бы день за днемъ проходилъ....

Маруся пришла домой, и мать разспросила ее, хорошо ли она погуляла, и что у нихъ тамъ было. Маруся разсказала все, и про чужаго человѣка, красавца и богатаго, который ее сваталъ. Кто жъ онъ такой, спросила мать: — и откуда? — «Не знаю.» — Такъ ты, доню, какъ пойдешь опять завтра вечеромъ, вѣрно онъ будетъ, и разспроси его хорошенько обо всемъ.

На другой вечеръ, Маруся одѣлась и нарядилась опять какъ могла получше и пришла на вечерницу, а вскорѣ пришелъ и вчерашній молодецъ. Михалка сердечный ужъ и не приходилъ больше, хоть его мать и посылала, а сказалъ: «не хочу; что я тамъ буду дѣлать? есть безъ меня.» — Вотъ

опять пошла гульба вчерашняя, опять молодецъ тряхнулъ деньгами, всѣхъ употчивалъ лакомствами и плясалъ съ Марусей на диво; она была такъ весела и игрива, что всѣ ею любовались; а когда женихъ ея пошелъ домой и вызвалъ ее опять проводить его, то она спросила его, кто онъ, откуда и какъ его зовутъ? — Онъ отвѣчалъ, что онъ панскаго роду, а не простаго, что у него богатый хуторъ и много скота, а зовутъ его зовуткой: «какая тебѣ нужда, Петра ли ты полюбила, Максима ли? какъ бы ни звать, а за имя не разлюбить стать.» Съ тѣмъ и ушелъ.

Маруся прямо пошла домой и разсказала все матери, а та дала ей на другой вечеръ клубокъ пряжи и сказала: когда будетъ уходить хуторянинъ твой и съ тобою прощаться, то прицѣпи ты ему нитку, а сама стой и разматывай клубокъ, покуда нитка больше не будетъ тянуться; тогда пойди осторожно по ниткѣ слѣдомъ за нимъ и ты увидишь, по какой дорогѣ и куда женихъ твой ушелъ.

На другой вечеръ все шло по прежнему; дѣвки насилу дождались тороватаго чуженина, который всѣхъ ихъ потчуетъ всякими лакомствами, такъ хорошо пляшетъ и веселитъ всю вечерницу; онъ опять ухаживалъ болѣе всѣхъ за Марусей и позвалъ ее за собой въ проводы. Тутъ она сдѣлала, что велѣла мать, и наконецъ, никому не сказавъ ни слова, пошла одна ночью, чтобъ выслѣдить своего хуторянина. Нитка не долго шла по улицѣ, а повернувъ по проулочкамъ, пошла черезъ плетни, дворы, а тамъ задами на край села: Маруся остановилась было, но подумавъ, бойко пошла по ней дальше; неужто я своего суженаго буду бояться? подумала она; пойду, куда онъ, туда и я; теперь же темно, ему меня не увидать, а хоть бы и увидалъ — нужды нѣтъ; скажу, что хотѣла узнать, откуда и кто онъ. Но Маруся вскорѣ опять робко остановилась: нитка довела ее до кладбища, которое было, безъ огорожи или канавы, тотчасъ за селомъ. А что жъ? подумала она, коли онъ прошелъ тутъ, то и я пойду за нимъ; тутъ дѣдушка мой лежитъ

и бабушка — чего мнѣ бояться? Еще разъ десятокъ шагнула Маруся и ниткѣ былъ конецъ: она уходила въ землю. Чтобъ увѣриться, такъ–ли это, Маруся потянула за нитку: кто–то сильно дернулъ ее къ себѣ въ землю, оборвалъ въ рукахъ Маруси и отвѣчалъ на испугъ Маруси не голосомъ, а синимъ огнемъ, который вспыхнулъ на могилѣ и погасъ. Бѣдная дѣвка, не помня себя, бросилась бѣжать, спотыкаясь въ потьмахъ и падая, и наконецъ чуть живая добѣжала домой; тутъ она долго отдыхала и потихоньку вошла въ хату.

Мать, однакожь, услыхала ее и спросила: — что, доня моя, былъ онъ?

— Былъ.

— Что жъ?

— Обѣщается взять за себя.

— А по клубку слѣдила?

— Слѣдила, да недалеко; оборвалъ онъ нитку и бросилъ.

Больше ничего и не сказала.

На утро Маруся весь день ходила какъ сама не своя, съ больной головой, и ничего не могла ни припомнить хорошенько, ни

понять; но ей чудились во снѣ и на яву такія страсти, отъ которыхъ въ ней замирала кровь: будто видѣла она, когда вспыхнуло синее пламя, что дѣлалось подъ землей, въ могилѣ, и будто милый ея — страшно сказать.... грызъ тамъ покойника. Она все молчала, не смѣла ничего сказать; прошелъ вечеръ и мать ее опять посылаетъ: «иди, доня, да играй и веселись хорошенько, чтобъ любо было и тебѣ и другимъ.» А мать, которая, бывало, часто журила Марусю за гордость и недоступность ея, боясь, чтобъ не ославилась она черезъ это, и чтобъ не откинулись всѣ женихи, рада радешенька была, что дочь, наконецъ, хоть кого нибудь нашла по себѣ, да еще и богатаго хуторянина.

Пошла дочь, и все опять до конца было то же; только она боялась идти провожать своего жениха и хотѣла было отказаться; но прочія дѣвки всѣ за него заступились и выпроводили ее почти силой: «Иди, чего ты, дура, боишься? съ такимъ молодцомъ? да впервые, что ли тебѣ, провожать его?

Пошла.» Онъ остановился, спросилъ опять: пойдешь за меня? Ей нечего больше говорить, отвѣчаетъ: пойду. — А была ты вчера ночью на погостѣ? — Нѣтъ, не была. — А видѣла тамъ что нибудь? — Нѣтъ, не видала ничего. — За это завтра твой отецъ умретъ, сказалъ онъ, и пошелъ.

Страшно Марусѣ бѣдной, и тоска напала на нее смертная — а дѣваться некуда: пришла домой и молчитъ. День насталъ — она бродитъ ровно безъ ума, не знаетъ, что Богъ дастъ, что будетъ. Пошла рано по воду, приходитъ съ ведрами домой отъ колодца — мать голоситъ, говоритъ, отецъ вдругъ померъ. Къ вечеру его похоронили, а Маруся бѣдная сидитъ, забившись подлѣ печи, закрыла лицо руками, свѣту Божьяго не видитъ. Настала ночь, и подруги за нею пришли, звать на вечерницу, чтобъ хоть немного ее развеселить: она не хочетъ, такъ и мать говоритъ: «Поди, доню; что тебѣ тутъ дѣлать! Хоть посиди, да погляди на другихъ....» Дѣвки заговорили ее и потащили дружно силою за собой.

Маруся сѣла подгорюнясь въ углу, не стала ни пѣть, ни плясать, ни играть, а когда пришелъ женихъ ея и сталъ разспрашивать, отчего она такая невеселая, то дѣвушки отвѣчали за нее, что у нея у бѣдной сегодня отецъ умеръ. Маруся тряслась какъ листъ; молодецъ пожалѣлъ, сталъ ее утѣшать, потчивалъ всѣхъ по прежнему, пѣлъ и плясалъ, а уходя, опять сталъ ласково просить, чтобъ Маруся его проводила. Она тряхнула головой, но подруги подняли ее насильно и отдали въ руки чуженина; Маруся вздрогнула, затряслась, но будто не своей волей молча пошла за нимъ.

— Что, Маруся? спросилъ онъ ее на дворѣ: — была ты третьяго дня ночью на погостѣ, ходила за мною слѣдомъ?

— Нѣтъ, не была.

— А видѣла тамъ что нибудь?

— Ничего не видала.

— За это у тебя завтра мать умретъ. И пошелъ самъ своей дорогой.

Маруся упала, хотѣла кричать, но не смогла; у нея не было ни силы, ни голоса,

ровно кто рукою зажалъ ей ротъ, такъ что она не могла дышать и обомлѣла. Дѣвкамъ было не до нея: у нихъ шло тамъ свое веселье; а если кто и вспомнилъ про нее, такъ думалъ, что она пошла съ молодцомъ, либо ушла домой. Долго ли она лежала, и сама того не помнила, но очнувшись, она пошла домой, легла и всю ночь тихонько проплакала. На зарѣ мать ея вдругъ начала стонать и черезъ часъ, ни съ того ни съ сего, отдала Богу душу. На бѣдную дѣвку напалъ такой страхъ, что она ужъ не могла и плакать.

Что жъ? живой не безъ мѣста, мертвый не безъ могилы: похоронили и мать, больше дѣлать было нечего. Осталась бѣдная Маруся одна, и такъ ей страшно стало въ пустой избѣ, что заперла она ее и пошла къ сосѣдямъ. Тамъ она просидѣла до вечера, и опять пришли товарки ея, чтобъ не дать ей загруститься и закручиниться, и жалѣючи ее, противъ воли увели съ собой. Она, бѣдная, совсѣмъ была безъ памяти, не опомнилась еще и не опозналась въ сиротскомъ одиночествѣ своемъ и сидѣла

среди общаго веселья, будто пришла съ того свѣта. Вдругъ всѣ радостно зашумѣли: Маруся вздрогнула — къ ней подошелъ чуженинъ.

— Полно тужить, Маруся! сказалъ онъ: — вотъ я опять къ тебѣ пришелъ; тугой поля не изъѣздишь, нудой моря не переплывешь! Пойдемъ плясать!

— Не троньте ее, бѣдную, сказали дѣвушки: — у нея сегодня мать умерла!

— Какъ? сказалъ тотъ, удивившись этому новому горю и крѣпко жалѣя бѣдную Марусю: — вчера отецъ, а сегодня мать? Шутите вы?

— Нѣтъ; кто такъ шутить станетъ — избави Богъ!

— Бѣдная ты, сердечная моя! сказалъ тотъ: — какъ же ты теперь жить станешь круглою сиротою, вести хозяйство, управлять домомъ? Тебѣ нужно искать добраго человѣка.... Какъ вы разсудите, люди добрые, я на всѣхъ на васъ пошлюсь — правду я говорю?

Съ этого слова пошли шутки; Маруся молчала на все, что ни говорили, хотѣла

было уйдти, но не смогла, а сидѣла какъ прикованная; когда же ненавистный ей женихъ собрался идти, не поддаваясь ни на какія просьбы дѣвушекъ остаться еще и погулять, то онъ опять ласково позвалъ ее въ проводы. Маруся взглянула на него въ первый разъ во весь вечеръ, встала и пошла за нимъ.

— Теперь я ничего не боюсь, подумала она: — пусть дѣлаетъ со мною что хочетъ!

— Любишь ли ты меня, Маруся? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не люблю.

— А пойдешь ли за меня?

— Нѣтъ, не пойду.

— Стало быть, ты меня обманула?

— Ты первый меня обманулъ, а я потомъ.

— Ну, а признайся, ходила ты за мною слѣдомъ, была на погостѣ?

— Нѣтъ, не была.

— А видѣла тамъ что нибудь?

— Ничего не видала.

— Ну, такъ за это ты завтра къ вечеру и сама умрешь.

— Дай Богъ! сказала бѣдная Маруся: — дай Богъ! Чего мнѣ еще оставаться тутъ?

Но едва успѣла она это выговорить, какъ вдругъ, и сама она не знала съ чего, пришелъ ей на умъ Михалка, котораго она съ такимъ презрѣніемъ всегда отъ себя гоняла, а теперь и давненько ужъ не видала, потому что онъ не навязывался, а съ того вечера, какъ въ первый разъ появился чуженинъ, ни разу ей не попадался на глаза.

— Что дѣлать, бѣдный мой Михалка! подумала она: — видно такая судьба наша, и твоя и моя! И залилась горючими слезами.

Задумавшись, повѣсивъ голову и опустивъ обѣ руки, побрела она домой и, забывшись, вдругъ остановилась передъ порожней хатой своей, взглянула, вздрогнула, заломила руки и долго глядѣла на темныя окошечки; потомъ она повернула назадъ и пришла ночевать къ сосѣдкѣ. Та приняла ее чадолюбиво и долго еще утѣшала, не замѣчая, что бѣдная Маруся не

слушала утѣшенiй этихъ и даже не слышала ихъ.

Рано утромъ пошла она домой, посидѣла въ одинокой избѣ своей, помолилась, напоила скотину, пошла на могилы отца и матери и поплакала тамъ, воротилась домой и заперлась, будто ея нѣтъ. Она хотѣла умереть такъ, въ одиночествѣ своемъ, вѣря словамъ страшнаго чуженина, который ей доселѣ пророчилъ одну правду; но вскорѣ взяла ее такая тоска и даже страхъ, что вспомнивъ о слѣпой бабушкѣ своей, жившей верстахъ въ семи, она вышла, заложила воловъ и поѣхала къ старухѣ, которую ужъ очень давно не видала, поѣхала — выплакать передъ нею горе свое. Ей хотѣлось чего нибудь роднаго, а тутъ она была одна, между чужими людьми, и даже не смѣла подумать о бѣдномъ Михалкѣ, который теперь также сдѣлался для нея чужимъ....

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, доню; кто ты? Я что то не признаю тебя по голосу....

— Охъ, бабуся, и давно ужъ ты меня не слышала; я маркушенкова Маруся, внучка твоя!

— Такъ здравствуй же, я рада тебѣ; что отецъ и мать, дочка моя?

— Худо, бабушка; оба передъ Богомъ, померли....

— Передъ Богомъ! сказала слѣпая бабушка, перекрестившись: — такъ тутъ ничего худаго нѣтъ; я и близко живу, да не слышала еще объ этомъ; а вотъ тебя жаль; ты въ дѣвкахъ еще?

— Въ дѣвкахъ, бабуся; вѣдь я еще молода!

— Знаю, помню, ты родилась въ тотъ годъ, какъ у насъ по дорогамъ стали канавы копать; годовъ семнадцать, чай, будетъ.... Да, такъ, будетъ; когда я ослѣпла, такъ тебѣ былъ одинадцатый годокъ. Ну, какъ же ты теперь живешь?

— А такъ живу, бабуся, что пріѣхала къ тебѣ умирать....

— Христосъ съ тобой! зачѣмъ такъ? Тебѣ ли умирать? Это наша доля, а вамъ жить!

Внучка, горько заплакавъ, разсказала бабушкѣ все, что съ нею было, и кончила тѣмъ, что ей теперь немного часовъ осталось до вечера жить.

— Охъ, бабушка! погубила я и отца и мать.... Когда онъ, злодѣй мой, сказалъ мнѣ, что и мой чередъ насталъ, то я обрадовалась, будто свѣтъ увидѣла; а теперь, какъ время подходитъ, такъ страшно!

— Ну, дитятко, сказала бабушка: — прошлаго не воротишь, нечего о немъ и вспоминать; а пострадала ты довольно, и тебя теперь журить — дѣла не поправить. Слушай же ты меня: любовникъ твой — это упырь; онъ встаетъ изъ могилы, моритъ и ѣстъ людей.... Простись теперь со мною и сейчасъ поѣзжай домой: тамъ выбери хорошаго, надежнаго человѣка, котораго бы міръ послушался и не сталъ бы съ нимъ спорить; подари ему пару воловъ своихъ — они тебѣ ужъ не нужны — съ тѣмъ, чтобы тебя, какъ умрешь, не выносили хоронить въ двери, а подкопали бы порогъ и

пронесли подъ порогомъ. Домъ и все, что есть, отдай попу на церковь, и только.

— Бабушка, все, что говоришь ты, все сдѣлаю, вѣрно; да скажи же мнѣ, что съ этого будетъ?

— А вотъ видишь что, доню: когда есть человѣкъ на свѣтѣ, который тебя по правдѣ и всѣмъ сердцемъ любитъ, то онъ тебя найдетъ.

— Какъ найдетъ, бабушка, когда умру?

— Ну, умрешь, такъ умрешь; нечего дѣлать, и всѣ мы умремъ; а если нѣтъ такого человѣка, чтобъ тебя дѣвушку любилъ — ну, тогда другое дѣло, и я ни въ чемъ не властна.

Заплакала Маруся, простилась съ бабушкой, а бабушка, какъ ни любила внучку свою, давно уже разучилась плакать, не прослезилась. Внучка поѣхала домой. Вотъ тутъ–то болѣло сердце ея по тому человѣку, котораго она, изъ одного только тщеславія, удалила отъ себя, тогда какъ онъ ее любилъ, да и сама она, еслибъ только дала сердцу своему волю, полюбила бъ его давно.... Прошлаго не воротишь!

Нѣтъ, подумала она, такого человѣка нѣтъ, чтобъ меня дѣвушку любилъ.... За что Михалкѣ любить меня?

Пріѣхавъ домой, она тотчасъ распорядилась, какъ ей было сказано, сославшись на слѣпую бабку свою, противъ которой никто не посмѣлъ спорить. Никто не вѣрилъ однакожь, чтобъ Марусѣ пришло время умереть — думали, что она съ горя начала бредить.... но къ вечеру сосѣдка заглянула въ марусину избу, когда еще и не смерклось, и увидѣла ее лежащую на постели. Что она все лежитъ да убивается! подумала добрая сосѣдка и пошла, чтобъ вызвать ее, анъ Маруси бѣдной ужъ нѣтъ: она лежитъ себѣ и простываетъ....

Сошлись люди и не могли надивиться, что такое сталось съ бѣдной семьей Маркушенка, что въ три дня не стало ни отца, ни матери, ни дочки! Многіе заплакали, глядя на красавицу, которая лежала какъ живая, сложивъ сама заживо руки и приготовивъ платье, въ которомъ ее хоронить.... И подруги всѣ собрались и крѣпко ее оплакали; молодые парни

говорили, что такой дѣвки не скоро наживешь.... Но одинъ былъ, который съ недѣлю уже никому на глаза не показывался, либо сидѣлъ дома, либо работалъ въ полѣ, а теперь смѣло пришелъ въ хату Маруси, когда она уже лежала на лавкѣ, одѣтая и убранная въ цвѣтахъ, какъ невѣста, сѣлъ и сидѣлъ тутъ безвыходно до самыхъ похоронъ. Когда уже другіе пѣтухи пропѣли, то онъ все еще сидѣлъ противъ Маруси и смотрѣлъ на лицо ея, которое освѣщалось одною лампадкой, потомъ вдругъ заплакалъ, простился съ нею, снялъ у нея съ пальца мѣдный перстенекъ и надѣлъ себѣ на палецъ, а ей надѣлъ свое колечко и опять сложилъ ей по прежнему руки.

Поутру пришли люди, подкопали порогъ въ сѣняхъ и сдѣлали такой спускъ и подъемъ, чтобъ можно было пронести гробъ. За тѣмъ принесли и порядочный, выкрашенный гробъ, потому что Маруся оставляла достатку довольно. Собрались дѣвки, парни и старики со старухами и, вынесши покойницу, какъ было сказано,

поставили въ церковь, отпѣли и похоронили. Никого не осталось изъ маркушенкиной семьи, и Маруси не стало; избу продали, и въ ней живетъ теперь чужой человѣкъ, а объ Маруси тамъ и помину нѣтъ....

Пришла весна, красная, веселая, и тотъ же молодой парень, который обручился съ Марусей–покойницей, частенько по вечерамъ прихаживалъ на могилу ея и тамъ молился. Замѣтивъ однажды, что изъ могилы этой выростаетъ какой–то особенный стебель, съ гладкими, длинными листьями, Михалка сталъ присматривать за нимъ и поливать его; но какъ кладбище не было огорожено и туда нерѣдко заходила скотина, то Михалка рѣшился выкопать кустъ этотъ съ корнемъ и посадить его въ своемъ садикѣ. Сдѣлавъ это, добрый Михалка, который вообще очень любилъ цвѣты и разводилъ ихъ у себя много, ходилъ и смотрѣлъ за этимъ кустикомъ, какъ за глазомъ своимъ; и чѣмъ болѣе выросталъ цвѣтокъ, тѣмъ болѣе дивился ему садовникъ нашъ и радовался, потому

что онъ никогда такой травы не видалъ; листья вышли длинные, не широкіе, гладкіе и ровные; посрединѣ одинъ стебель, довольно высокій, а на маковкѣ его завязывался цвѣтокъ. Михалка радовался ему, какъ кладу. Наконецъ, наканунѣ Иванова дня, къ вечеру, цвѣтокъ этотъ вдругъ расцвѣлъ — бѣлый, большой и густо махровый; Михалка не могъ имъ налюбоваться; сидѣлъ онъ при немъ до поздней ночи, все на него глядѣлъ, а потомъ подумалъ: теперь тутъ тепло, а мнѣ хорошо и весело — зачѣмъ пойду въ избу? и легъ въ садикѣ своемъ, подъ кленомъ, такъ что цвѣточекъ его стоялъ прямо передъ нимъ и слегка кивалъ головкой отъ налетнаго вѣтра. Вдругъ бѣлые лепестки въ головкѣ цвѣтка зашевелились, цвѣтокъ опалъ и изъ него медленно поднялась, какъ въ туманѣ, рослая, статная дѣвушка.... туманъ прояснился, и Михалко, не утерпѣвъ, вскочилъ и робко сказалъ: Маруся!

Она подошла къ нему и, указывая на его колечко, сказала: «Кто обручился съ

мертвою, тотъ будь женихомъ и живой: ты мой спаситель; безъ тебя я погибла бы въ вѣчныхъ мукахъ.»

Сколько ни дивовались люди, что Маруся жива, а поглядѣвъ на нее, надо было поневолѣ повѣрить. Не долго откладывая дѣла, съиграна была свадьба, и, говорятъ, не было на свѣтѣ другой такой дружной и любовной четы, какъ добрый Михалка и красавица Маруся.

Не надѣйтесь, однакожъ, дѣвушки, на цвѣтокъ этотъ: не любите чужихъ парней безъ ума, и не обманывайте, не облыгайте никого!